

***Головачева И.В. ФАНТАСТИКА И ФАНТАСТИЧЕСКОЕ:
ПОЭТИКА И ПРАГМАТИКА АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — СПб.: Петрополис,
2014. — 412 с. — 1000 экз.***

Понимание фанатического в книге И. Головачевой основывается на концепциях Тодорова и Кайуа: «...форма репрезентации странного, чуждого, экстремального (избыточного или, напротив, дефицитного), ненормального, разрушительного, неустойчивого вместо стабильного, упорядоченного и поэтому легко познаваемого мира» (с. 16). Автор выделяет три разновидности фантастики, посвящая каждой из них отдельную главу: готику, научную фантастику и утопию. Структура первой главы, последовательно рассматривающей жанрообразующие темы призрака, двойника и монстра, отдает дань устоявшемуся восприятию, но в целом монографии недостает четкого обоснования понятия готики.

Ключевой фигурой готической части выступает Генри Джеймс, и это выводит исследование из поля стандартной таксономии и феноменологии в область новаторских экспериментов с точкой зрения, в конечном итоге давших одну их базовых идей постмодернизма — о множественности истин, высказанную еще в начале прошлого века братом писателя философом У. Джеймсом. Загадка повести «Поворот винта», над которой бьется не одно поколение читателей и исследователей (на самом ли деле в усадьбе Блай гости с того света пытались завладеть душами невинных детей или все пугающие события — плод большой психики их гувернантки?), воспринята как элемент метода, причем сразу в двух жанровых проявлениях. Во-первых, с точки зрения собственно фантастического/готического эффекта: «...именно “затемнение” и двойственность позволяют проникать в сферу непроизносимого, неслыханного, непостижимого и трансгрессивного...» (с. 71). Во-вторых, что важнее, в отношении разработки постулата об основополагающей невозможности окончательных однозначных ответов: «...и мистическая и галлюцинаторная версии “Поворота винта” были в равной степени предусмотрены Джеймсом, что и явилось причиной двойственности образов и колебаний в суждениях читателя» (с. 89). Примечательно, что подобную возможность неоднозначной трактовки И. Головачева

обнаруживает в шекспировском «Гамлете»: явление призрака отца и вся история с преступлением Клавдия могут быть плодом больной психики принца, и трагедия его не в бездействии, но в невозможности принять ни одну из версий реальности до конца, что сближает ее уже не с — привычно — декадансом, но с нашим временем. Исследовательница обращает внимание на примечательное сращение базового готического мотива с ведущей темой творчества Г. Джеймса: фантастический раскол личности на двойников-антагонистов происходит по национально-культурному основанию, американец-репатриант, ставший англичанином, противопоставляет своему «американскому варианту», «зримому воплощению альтернативной, добровольно не выбранной герою жизни в Америке» (с. 126).

Говоря о готике, невозможно не задаться вопросом о причинах ее активности и продуктивности в современной массовой культуре. И. Головачева видит причину и в кризисе традиционного гуманистического мышления («...человек сомневается в перспективности человеческого», с. 23), и в постепенном движении от глубинной ксенофобии («Угроза “чужого”, судя по всему, является неизменным содержанием человеческого мышления», с. 150) к толерантности по отношению к чудовищу: «...монструозный дискурс современной литературы завершает длинный процесс слияния с Другим <...> радикальность противопоставления своего и чужого исчезает.» (с. 152—153). Проблема понимания Другого, воспринимаемого как чудовище, — одно из идеологических оснований романа Мэри Шелли «Франкенштейн», который справедливо обозначен в книге как переход от готики к научной фантастике.

В попытке разобраться, что именно составляет своеобразие жанра научной фантастики, автор книги приходит ко вполне исчерпывающей и пригодной для конкретной работы формулировке: «НФ — это литература когнитивного остранения, которая рационально репрезентирует странный, но познаваемый мир, являющийся иным по отношению к миру, окружающему автора, и экстраполирует на новую реальность радикальные изменения, проистекающие из научно-технического прогресса или регресса» (с. 213). Обнаруживается и «идеальный» научный фантаст, оказавший огромное влияние на мировую НФ, чье творчество полностью удовлетворяет определению, — Айзек Азимов. Подробный анализ его творчества дает дополнительные подсказки к пониманию сути жанра: «...он поставил науку на службу вымыслу» (с. 222), «Идеи в большей степени, чем герои, составляют истинное содержание и смысл его текстов» (с. 227). Значительную часть современного научнофантастического дискурса составляют произведения, рассматривающие техногенные либо экологические варианты «конца мира» и существования человека в условиях постапокалипсиса. Пространный их обзор дает представление об объеме и разнообразии такого рода литературы. Вызывает некоторое удивление упоминание в генезисе апокалиптической тематики как американской НФ в целом, так и в отдельности Г.Ф. Лавкрафта, который заложил целый ряд современных научно-фантастических стандартов, а его творчество нагляднейшим образом демонстрирует преобладание НФ по отношению к готическому мифу.

В фокусе третьей главы — Олдос Хаксли, убедительно вставленный в фантастическую парадигму, причем со всем его творчеством в целом, а не только с самым известным романом, взгляд на который в книге И. Головачевой оказывается неожиданным и занимательным. Произведения Хаксли увидены как разного рода утопии, причем если подобная атрибуция романа «Остров» вполне ожидаема, то подход к двум знаменитым эссе как к утопии психоделической изумляет свежестью и обоснованностью. По поводу романа «О дивный новый мир», традиционно именуемого антиутопией, И. Головачева высказывает мысль, которая обязательно

должна приходиться в голову любому думающему читателю, но отчего-то не очень распространена в аналитических работах по теме: «Никакой другой антиутопический текст не ставит столь остро вопрос о “ведомстве”, по которому его следует числить»

(с. 261). И задает ряд вопросов, возникающих «в ходе пристального чтения» — столь же напрашивающихся, сколь и не высказанных ранее: «Надо ли считать индейскую резервацию, изображенную писателем, полновесной антитезой новомирской цивилизации? Разве Новый Мир не есть воплощенная мечта каждого нормального человека? <.> Являются ли искренними сатирические нападки О. Хаксли на науку и технику? <.> Каким на самом деле было отношение писателя к психо-фармакологическим способам воздействия на сознание?..» и т.п.

(с. 262). Ответы на вопросы станут ясны, если взглянуть на роман не как на (анти)утопию (т.е. текст изначально дидактический), а как на научно-фантастический прогноз, картину вероятного будущего, в которой автора гораздо более волнует научная обоснованность экстраполяции, нежели нравоучение и/или обличение в духе Мора или Оруэлла. Обстоятельства жизни в Мировом государстве, где Бога заменил Форд, как то: неомальтузианство, евгеника, бихевиористское прокрустово ложе для личности, идеальный эскапистский наркотик, провозглашение либидо важнейшим законом общественной жизни, — оказываются не столь чудовищными и осуждаемыми для Хаксли после ознакомления со свидетельствами его обширного и глубокого интереса к естественно-научным и общественнонаучным теориям первой трети прошлого века. Сугубая антиутопичность романа «О дивный новый мир» была вчитана в него после Второй мировой войны, когда многие из довоенных теорий оказались скомпрометированы мировой катастрофой. Концепция расширения сознания к ним не относится, поскольку появилась под пером самого Хаксли только в 1954 г., но намечена в романе в феномене психофармакологического препарата сомы. Он, на первый взгляд, служит исключительно порабощению личности граждан Мирового государства, но при ближайшем рассмотрении и дальнейшем ознакомлении с творчеством Хаксли оказывается первым признаком психоделической революции, устремленной как раз к раскрепощению личности и грянувшей в 1960-х гг. во многом благодаря эссе Хаксли «Двери восприятия» и «Рай и ад». И. Головачева полагает психоделию «одним из самых губительных утопических проектов», для которого Хаксли «обозначил контуры самой опасной из индивидуалистических утопий» (с. 346). Увлекательный подробный рассказ об истории общения Хаксли с психомиметиками и их научными и литературными отражениями содержит некоторое обоснование такого негативного отношения: фармакологические эксперименты, во-первых, опасны для психики испытуемого, во-вторых, культивируют эскапистские практики. Однако значительность личности Хаксли, масса интеллектуального материала, стоящего за психоделическими теориями, визионерский пыл писателя, нашедшие отражение в книге И. Головачевой, перевешивают критику и оставляют ощущение сожаления о еще одной несчастливо затоптанной научной тропинке. Весьма основательный научный труд И. Головачевой вводит в русский дискурс широкий спектр ранее неизвестных фактов и мнений американских и британских социальных мыслителей, литературоведов и биографов. Временами настораживает стилистика, в некоторых разделах (с. 153—156, 300—317) она скорее публицистическая, чем научная, свидетельствующая о не совсем тщательной языковой подгонке материалов, послуживших основой для книги.

Г. Заломкина